

Ирина Кемакова

Вот так и жить

сборник стихотворений

Архангельск
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44
К 35

Кемакова, Ирина Леонидовна

К 35 Вот так и жить : [сборник стихотворений] / И. Л. Кемакова. –
Архангельск : Лоция, 2015. – 96 с. : ил. – ISBN 978-5-905810-75-6.

Агентство СІР Архангельской ОНБ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5я44

Сборник «Вот так и жить» – первая книга каргопольского автора Ирины Кемаковой. Как заметил рецензент книги Александр Логинов, Ирина «из рода очарованных и влюблённых в литературу. Её филологический багаж объёмен. Писательское перо дружит со словом».

Стихи автора – лирические, напевные, дают возможность читателю увидеть окружающий мир глазами автора и вдохновиться красотой природы, деревни, почувствовать душевное притяжение.

Адресована всем любителям поэзии и красивого литературного слова.

ISBN 978-5-905810-75-6

© Кемакова И., 2015
© Старицына Н., обложка, 2015
© Логинов А.А., вст. сл., 2015
© Лит.-изд. центр «Лоция», 2015

Об авторе

Родилась 27 марта 1974 года в маленькой северной деревеньке Медведево Каргопольского района Архангельской области. Дед научил читать в три года. До сих пор помнит первую книжку – сказку Аксакова «Аленький цветочек», которую читали с бабушкой на кровати с никелированными шарами и ажурным, связанным бабушкой из белых катушечных ниток подвесом.

С тех пор не расстаётся с книгами, в детстве даже мечтала стать библиотекарем.

После окончания Кречетовской средней школы училась в Каргопольском педагогическом училище на учителя начальных классов. В 1999 году с отличием закончила факультет филологии и журналистики Поморского государственного университета. Уже более двадцати лет преподаёт в сельской школе русский язык и литературу.

Первые стихи о ромашках и шмелях написала в детстве. Потом, как многие, писала в юности, но надолго забросила сочинительство. Вернулась к литературному творчеству уже в зрелом возрасте. Пишет стихи

и рассказы, портретные очерки. Увлекается фотографией. Любит северную природу, цветы, книги.

Публиковалась в областной литературной газете «Графоман», журнале «Двина», журнале для семейного чтения «Иван-да-Марья», журнале «Лава» (г.Харьков), в альманахе «Брусника» (г.Архангельск), в коллективном сборнике «Поклонимся великим тем годам» (г.Архангельск), в районной газете «Каргополье».

Призёр конкурса «Мои дороги» (Архангельск, 2014 г). Победитель и призёр многочисленных сетевых конкурсов. Участник международного Волошинского конкурса в номинациях «Проза» и «Поэзия», номинант общероссийской премии «Слово-2015».

Голосящий куст Ирины Кемаковой

У прекрасного русского поэта Владимира Соколова есть строки;

*Что такое поэзия? Что вы!
Разве можно о том говорить.
Это – палец к губам. И ни слова.
Не маячить, не лстить, не сорить.*

Многословие – не самый верный и короткий путь к сердцу читателя. И представляя первый поэтический сборник Ирины Кемаковой, учителя-словесника из глубинного Русского Севера, я и хотел бы следовать этому принципу. Но Слово никогда не бывает безмолвным. И в сознании моём пробуждается другое афористическое двустишие: «Пиши хоть языком Гомера – были бы чувство, разум, мера». А это, друзья мои, когда строки не вкривь и не вкось, и нет этой кондовой корявости, коими так гордятся некоторые, так называемые, самобытные стихотворцы. К счастью, Ирина Кемакова из рода очарованных и влюблённых в литературу. Её филологический багаж объёмен. Писательское перо дружит со словом. Хотя эта дружба даётся порой нелегко. Но читателю об этом и знать не надо. Открытое сердце всегда тянется к такому же, отзывчивому и трепетному. По стихам Кемаковой видно, что круг её любимых поэтов узким никак назвать нельзя. Но все её стилевое и интонационное многообразие не выбивается из классического русского поэтического русла. Разве что выплеснет языкастая пенная волнишка на берег, словно вызов кому-то из нас, или тому, единственному близкому: «Милый мой, ведь я пока ещё... ручная». И исчезнет. И лови потом её. До следующего всплеска. До следующей искры, высеченной пером.

Поэзия – всегда открытие. В её вселенной нет одинаковых миров. Так и для Ирины всякий человек, близкий и не очень, при всех общностях судеб, неповторим. Деревня, город, чувства и мысли, природа – всё меняется, всё течет, свиваясь в клубки памяти. Иногда автора охватывает подобие страха. Как в стихотворении «Про время». Потому что так бывает у творческой личности, по тем или иным причинам время останавливается. А это значит:

*...И не будет любви, друзей и заветных книг,
Сроки цвести не наступят, дата желанной встречи –*

Тот, кто время ругал, скорее других поник:
Знать, безвременье душу пуще всего калечит.

Время зла не держало: стихла в душе гроза.
Или просто без дела вовсе оно не может.
И вернулось – и стрелки дёрнулись на часах,
Каждый шаг отзывался дрожью под тонкой кожей.

Кто в безвременья пору выдюжил, пережил,
Кто в трясине качался зыбкой не с тем, не с теми –
Выбираясь, порвал, как нити, канаты жил,
Осознал, что и боль, и радость дарует время.

Так где же черпается сила любви к жизни? В памяти. И родовой, и той, глубинной, на уровне чувств. И это не инстинкт, и не рефлекс собаки Павлова. Она исходит из живого, природного фейерверка воспоминаний. Она неизбывна. И в нашем случае она восходит к широко используемой в русской поэзии теме живого (а по сути вечного) куста. Наполненного музыкой жизни. Исключение – шедевр лирики «Можжевельный куст» Николая Заболоцкого. У Кемаковой всё гораздо проще, но не менее символично:

*...В минуты, когда не хватает сил
и так неподъёмен груз,
я слушаю, как озорно голосит
волшебный ивовый куст.*

*Порой возвращаешься, мир кляня,
в тревожной сумятице чувств, –
У дома всегда встречает меня
родной голосящий куст...*

Окончательная история голосящего куста грустна. Но не более. Как я уже говорил – память неизбывна. Она даёт нам надежду на встречу с новыми стихами вдумчивой поэтессы с открытым сердцем. А это значит, мы увидим мир её глазами, именно от первого лица. Но пусть остается и тайна сотворения этого мира. Её знают только женщины. А мы, мужчины, лишь догадываемся.

Александр Логинов

Травы

Марья опять проснётся звенящей ранью,
Утро впуская, шторы в цветочек пёстрый
Слабой рукой раздёрнет, горшок с геранью
Двинет поближе к свету. На дикий остров

Дворик похож. Бушуют густые травы:
Клевер, спорыш, куртинки лесного лука –
Раньше утопан был до земли оравой
Шумных ребят – детей, а потом и внуков.

Минуло время то, навещают редко –
Им не до бабки, в городе дел по горло.
Только порой проведать зайдет соседка.
Некому двор косить – и трава попёрла.

Марья сидеть без дела никак не может:
Снимет с повети косу, бруски, напилки,
Узкий прокос к калитке с трудом проложит.
Больно кольнёт в висках, застучит в затылке,

Двор покачнётся зыбко, оставят силы,
Марья, держась за стены, домой вернётся,
Сядет на лавку к печке: «Всё, откосила.
Скоро ведра воды не достать с колодца...»

Морок какой найдет ли? Старуху манит
Тоненький голос детский, такой лукавый.
Марья – к окну, подвинет горшок герани:
Нет никого, лишь травы, густые травы...

Всё по старинке

Жарко натоплено, душно в крестьянском доме,
С фото на стенке глядит на семейство божатка,
В рамах – гуденье осенних назойливых мух,
Тонко свистит самовар у печного жаратка.

Всё по старинке: добротнo, тепло, сообща.
Ужин за крепким столом в немудрёной посуде,
Чёрный чугуничк густого мясного борща,
Миска глубокая с вмятиной в старой полуде.

Хлеба ломоть подставляешь под ложку – и в рот
Тащишь на пару с сестренкой похлёбку из миски.
Спят на лежанке трехшерстная кошка и кот,
Слушаешь походя речи неспешные близких:

О поросёнке – к Покрову бы надо забить,
Об урожае, о хлебе, коровушке стельной.
Всё хорошо и привычно, но душу свербит
Тайная мысль о тарелке – не общей, отдельной.

Долго ли будем из общей посуды хлебать
С мамой, сестрёнкой и папой, бабулей и дедом?
Прошлый же век! Ничего не хотят понимать!
Целым колхозом из миски совместной обедать...

Вот и сбылось. Только это хотелось ли мне?
Взрослая жизнь, и желанья – практичны и мелки.
В собственной светлой квартире сижу в тишине,
Стынет нетронутый ужин на личной тарелке.

Воротиться бы

Воротиться бы мне к деревеньке в лесах,
Где из труб – горьковатый дымок,
Где кукушка не дремлет в отцовских часах,
А у двери – бабулин батог.

К немудрёному древнему ремеслу –
Шерсть чесать да плести кошеле,
К деревянному, в тёмных зарубках столу –
К вековечному зову земли,

Что живёт и звучит в нутряной глубине
И – чем старше – сильнее и сильнее,
Обостряясь, лишь пряно пахнёт по весне
Духовитой землёю с полей.

Бросить всё – и идти, и бежать, и лететь:
Там водица живая в ручье...
...Время – старый рыбак – всё плетёт свою сеть,
Прочно – рыбой – сижу в ячее.

Скрипучая половица

Тонкий серпик месяца в окне,
На столе – щербатая солонка,
Тёплая картошка в чугуне
За печною чёрною заслонкой.

Дремлет кот-мурлыка на шестке,
На комодике в шкатулке нитки,
Самовар старинный в уголке,
На серванте – письма и открытки.

Утомили бабушку дела –
Спит за пёстрой шторкой пестрядинной.
Внучку до полуночи ждала
Во дворе под тоненькой рябиной.

Скрипнет половица под ногой,
Хоть крадётся девка тише мыши:
Нужен старой до утра покой,
Да и заругает, коль услышит.

Половица, не скрипи, не пой –
Пожалей, не выдавай девчонку:
С пареньком росистою тропой
Ночь гуляла и смеялась звонко.

Ах, трава духмяная в лугах!
Целовались, пели под гитару.
И горит румянец на щеках
Ярче, чем бока у самовара.

Он шептал, что губы – сладкий мёд
У неё – ну, как тут не влюбиться!
Бабушка девчонку не поймёт.
Промолчи, не скрипни, половица...

Детство

В летнюю сказку радостен путь мальчика
Полям июльским, утренней тропкой росной.
Чувствует каждый камушек: ноги босы.
Ах, как наивно-нежен овал лица!

Вот козырьком подносит ко лбу ладонь:
Смотрит на солнце, вытянув в нитку губы.
Вот, озорно тряхнув непокорным чубом,
Мчится по тропке дальше, как конь-огонь.

К речке сбежит с покатога бугорка.
В синей воде резвится шалун-пескарик –
Счастье в глазах ребёнка лучисто-карих.
Радужной змейкой струится вперёд река.

Таволгой, летним солнцем, водой пропах,
Лезет малец вверх по камням и глине.
Господи, пусть он будет счастливо-длинным –
Путь этот детства!.. И будет верна тропа.

Душа хранит

Нынче июль, как кислый сентябрь, плаксив –
Вымочил душу вместе с землёй насквозь.
Част, неразборчив серый дождя курсив,
Клонится долу горькой рябины гроздь.

В давнее лето греться сбегу – туда,
Где навсегда пропитаны светом дни, –
Через тоннели памяти. Сквозь года
Эти минуты счастья душа хранит.

Запах душистой каши волной обдаст.
Мелкий, прогретый солнцем речной песок –
Строила замки я из него не раз –
Помнит следы от маленьких быстрых ног.

Тоненький голос помнит в реке вода,
Помнит мои мечты постаревший сад.
Он шелестит листвою:
– Обогрелась?
– Да!
Света глоток – и время бежать назад.

Моё деревенское лето

Моё деревенское лето...
Седые июльские росы,
Скрипит коростель до рассвета,
И таволгой пахнет у плёса.

Сегодня иду на Балашник:
Пошли, говорят, там обабки.
Вернусь – старый глиняный кашник
В сенях отыщу я у бабки.

Из кашника квас льётся в нёбо -
Похлеще любого насоса!
Разбухшая корочка хлеба
Всё время касается носа.

А после, в забавной панамке,
Спешу на покос вслед за дедом,
И шлёпают тапки-вьетнамки,
И солнце смеётся в полнеба.

От первых лучей до последних
Гребём, ворошим, переносим.
Стога тяжело, но победно
Стоят на крестьянском покосе.

«Не сено – малина! – устало,
Но гордо нам дедушка скажет. –
Вот ведро ещё б постояло –
Господь с сенокосом развяжет».

Полуденным солнцем согрето,
Укрыто туманом белёсым
Моё деревенское лето,
Седые июльские росы...

Колыбельная маме

Бледный месяц тонким коготком
Зацепился за верхушку ёлки.
Белой ночью так светло кругом,
Что в стогу отыщется иголка.

У окна гнусавят комары,
Коростель скрипит в лугах медвяных,
Ни следа от муторной жары,
От которой в полдень травы вянут.

Спит телёнок в низеньком хлеву,
Куры спят рядочком на насесте.
Я в деревне лето проживу,
Мама, мы с тобою будем вместе

Хлопотать по дому и в саду,
По субботам мыться в жаркой бане,
Мыть в реке песком сковороду,
В зной - болтать в прохладе на веранде.

Утром, обжигаясь о росу,
На угор взбегу со свежей силой:
Земляники кружку принесу,
Как ты в детстве мне всегда носила.

Ты ж устала за день от хлопот,
Ноченьки короткие в июле.
Завтра новый жаркий день придёт.
Я с тобою посижу, мамуля...

Спит деревня

Спит деревня чутким сном старухи.
Тропы сетью частой, что морщины.
Снег, как мог, прикрыл следы разрухи.
Вроде не военная година –
Мужики давно в «седьмой делянке»:
Не посеют, не сожнут, не скосят –
Кто от хвори, кто от чёрной пьянки.
Редко, у кого сверкала проседь
На висках. Оставшиеся скверно
Видят свет через пузырь – не бычий,
Но эффект такой, примерно-верно:
Мутен мир, неярк и расплывчат.
На дрова распилены постройки,
Чёрный тёс давно прогнил на избах.
В огородах – только землеройки
Роят – до победы коммунизма...

Спит деревня. Снится: утром ранним,
По звенящей росяной прохладе,
Всё идут Васильи да Иваны –
Мир крестьянский из разрухи ладить.
Каждый полон сил, здоров и молод.
...Слышишь этот звук за рощей дальней?
В старой кузне оживает молот
И стучит по звонкой наковальне.

Друг

Старый пёс отощал, на боках колтуны,
Но хозяина любит, как Бога:
В этой жизни они так друг другу нужны,
Им вдвоём будто легче немного.

Друг в беде: овдовел и запил от тоски,
А когда-то был знатный охотник,
Приносили хозяйке добычу с реки –
Жирных уток за осень до сотни.

За бутылку ушли и ружьишко, и сейф.
Пёс от голода рад и помоям,
А хозяин залёг в нескончаемый дрейф,
Депрессняк чередуя с запоем.

Из хозяйства собачьего – старенький таз,
Вечно пуст и облизан до блеска,
На крылечке – дырявый и тощий матрас,
А на шее – цепочка-железка.

Раз хозяин на несколько суток пропал,
Пёс метнулся на поиски друга.
Пыль. Собака. Шоссе. Поворот. Самосвал.
Боль. Немая секунда испуга.

Притоптав на меже злые заросли трав,
Вырыл яму хозяин в суглинке.
Схоронил. В долг бутылку горячего взяв,
С горя дома устроил поминки.

Пёс на друга с тревогою смотрит с небес,
В пасти косточка; тёплая будка:
«Как он там? Мне-то сытно и весело здесь –
А ему одиноко и жутко...»

Жить хорошо!

В нашей деревне паники, братцы, нет,
Движимость и недвижимость не в цене.
В старой избе на зиму – жилой подклет:
Тихо, тепло, и мне хорошо вполне.

Пенсию почта возит, топлю горбыль,
«Поле чудес» по «ящику», «Жди меня».
Бабы судачат: как, мол, – один, бобыль?
Только скажу вам: нечё на жизнь пенять!

В День пожилых людей принесли сюрприз –
Вспомнил совхоз работника, одарил:
Чай со слоном, в пакете насыпан рис –
Целу неделю кашу в печи варил.

Вечером сяду фильм на диван глядеть –
Там – «Украина то, Украина сё».
Плюну, переключу: сколько можно петь,
Как там воюют – помощь мы им везём?

Что мне до банкоматов и цен на нефть,
Гречку и мясо буйволов для колбас?
Маня в сельмаге (краше всех королев!),
Всяко, «под запись» шкалик да хлеба даст.

Расстояния

В заскорузлых пальцах стебелёк катая,
Комаров пугая дымом папиросы,
Дед в теньке уселся: «У! Жара клаята!
Добрести б к обеду до своих покосов».

Лёнька с хрустом впился крепкими зубами
В сочный стебель дудки – дедова гостинца.
На покос впервые – не под юбку к маме.
Ну, теперь не скажут: «Вырастили принца!».

Дед, пуская кольца, обронил: «Устал ли?»
Лёнька удивился, догрызая стебель:
Десять километров – не велики дали,
Сенокос – да это ж не звезда на небе!

Сквозь листву проникнув, дедушкину щеку,
Как щенок, ласкаясь, лучик солнца лижет.
Дед вздохнёт: «Покосы стали так далёко...
А с годами, парень, только небо ближе...»

На автовокзале

Городок захолустный. На старой скамейке вокзала
Битый час просижу в ожидании рейса в деревню.
Вот была б помоложе – пешком бы давно побежала
К материнскому дому с засыпанной снегом сиренью.

Наблюдаю от скуки: кассирша считает билеты,
Затопляет столбьянку: кладёт меж поленьев лучину.
Кудерьки перманента. Мохнатая полость жилета
Обтянула костлявую, тощую тёткину спину.

Колченогая кошка сидит у дыры поддувала.
Вот кассирша ругается с бабкой, глотая словечки.
Между рам пожелтевших различного сору навалом.
Гулко хлопают двери, и тянет утаром от печки.

Надо мной лоскуток паутины, как порванный парус, –
Ловит ветра потоки и эхо вокзального гама.
Час как век. Переждать. Столько лет я домой собиралась...
Там сугробы, сирень и тоскует любимая мама.

У Онеги

По делам с утра моталась – только мало толку,
У Онеги на скамейке отдохну в прохладе.
Светлый полдень сладко пахнет тополиной смолкой,
Берег, травами заросший, нежно волны гладят.

Местный мальчик удит рыбу в речке серебристой,
Парня ждёт щенок лохматый, в воду забегает.
Со шлепками волны бьются в старенькую пристань,
Будто пёс, сомлев на солнце, молоко лакает.

Над рекою чайки с криком неба синь таранят,
В лопухи стреляет тополь градом из чешуек.
Под ногами сизый голубь в птичьем ресторане
Глазом на меня косится – булки покрошу ли?

Влажный ветер лоб щекочет, поднимает чёлку –
Крылья вольник не сломает: нет здесь парапета.
Светлый полдень, сладкий запах тополиной смолки,
В городке провинциальном наступает лето.

Гроза

В мареве зыбком качались дремотные дали –
Жаркое солнце тянуло последнюю влагу.
Ласточки низко над самой землёю летали,
«Пить!» – кулики умоляли в траве у оврага.

И напросили! Огромное чудище-туча
Бок показало лиловый над крышей сарая.
Гром прокатился гремющей каретою с кручи,
Молнии резали небо от края до края.

Туча живот распорола о крест колокольни,
Вздрогнула нервной лошадью, сбросившей сбрую.
Плакало чудище, будто ребёнок, от боли:
Хлынули слёзы на землю – кристальные струи.

Добрый хозяин из дома в ненастную пору
Пса не прогонит – зачем я одна на грунтовке?
Гром не смогли заглушить даже звуки мотора –
Кто-то по крыше машины палил из винтовки,

Из пулемёта строчил, бронебойными жарил.
Дворники с мощным потоком воды не справлялись.
С задних сидений полезли мерзейшие твари –
Страхи сковали всё тело, отвратно смеялись.

Встала машина – да только не вышло стоянки:
Мутным потоком, казалось, как пёрышко, смоем
В бездну меня на корабlike – лёгкой жестянке.
Берег исчез. Беспросветная мгла за кормою.

Ливень внезапно закончился. Вдоволь поплавав,
Туча ушла, напоследок кидая шутихи.
Листья и травы, покрытые солнечным лаком,
В робких лучах засверкали, и стало так тихо,

Так безмятежно, что спрятались чёрные мысли,
Страх отпустил, будто смытый потоком осадок.
Мир во всю ширь распахнулся, над лесом повисли
Два расписных коромысла сияющих радуг.

В котельной

Всю зиму курится чинарик центральной котельной,
Дымком оживляя статичность унылых пейзажей,
Плюясь беспардонно на крыши, сугробы и ельник
Лохматыми хлопьями жирной берёзовой сажи.

Всю зиму к теплу кочегарки, где грязно и тесно,
Доверчиво тянутся «те, кому за...» (не танцоры).
Грустят в ожиданье топчан, табуреты и кресло.
В меню – телевизор, вино, по душам разговоры.

Раздавят бутылку, потом за второй и за третьей
Отправят гонца. Меж собой оживленно заспорят,
Ругая правительство, баб, череду лихолетий,
Жалея деревню, хлебнувшую горького горя.

Всё так, как лет двадцать назад, – да и тридцать, и сорок...
В котельных больших городов бунтовал андеграунд –
Здесь всё прозаичней: столетний настоящий морок,
Откуда дороги лишь две – по домам или «в аут».

Домой побредут в темноте (заплутают, конечно),
Услышат от жён: «дармоеды» и «пьяные хари».
Но легче чуть-чуть оттого, что во тьме той крошечной
Курится центральной котельной заветный чинарик.

Ночь на окраине провинциального города

То ли мира задворки, то ль это реальность иная:
Тихий, маленький город был днём так знаком и понятен;
Здесь неспешно, размеренно жизнь протекала земная,
В стороне от космических дыр, исторических пятен.

Ночь чернила густые лила на убогость окраин.
Борщевик, немо корчась, протягивал хищные руки;
Тощий пёс, у которого спился и умер хозяин,
Воем жалобил небо, а небо зевало от скуки.

Красным светом тревожно мерцали огни пилорамы,
Циркулярка терзала живое древесное тело
И визжала в восторге, гордясь сотворённою драмой,
А бревно, содрогаясь от боли, печально звенело.

Ночь на землю тарасилась глазом больного циклопа –
День бесследно проглочен его ненасытной утробой.
Старый сторож, изрядно хлебнувший отнюдь не сиропы,
Крепко спал, возле печки повесив линялую робу.

Бабкино солнце

На лето внучонок приехал к старухе –
Из города дочка отправила к маме:
Такой несмышлёныш, смешной, лопоухий,
Для бабки, конечно же, миленький самый.

Идут с остановки заросшим просёлком,
Вечерние тени ложатся на поле.
Малыш, ничего-то не знающий толком,
Как птенчик, впервые попавший на волю.

Старуха глядит с обожаньем на кроху.
Щебечет парнишка, вопросами сыплет:
«Чей след? А не будет ли лошади плохо,
Она если речку с пиявками выпьет?»

Закатное солнце купается в жите,
Другое – воробышком прыгает рядом –
В восторге от сделанных за день открытий.
И счастья другого старухе не надо.

Обычное дело

На лавке у дома – старуха да кошка,
И ветер вздыхает тоскливо, по-бабьи.
А им захотелось погреться немножко,
Пока не разверзлись небесные хляби.

«Старик! На рябину дрозды прилетели!..»
Одёрнет себя: «Что ты, бабка, сдурела!
Его схоронили на прошлой неделе.
Одна я теперь – что ж, обычное дело...»

Он утром не встал. Всё так тихо и просто:
«Степан, наварила горячей картошки...»
...На «ГАЗике» старом свезли до погоста.
Вернулась домой. А теперь только кошка,

Неловкая, старая, вместе с хозяйкой
Погреться уселась под солнцем осенним.
Старуха беззлобно ругнет: «Что, лентяйка,
Сидишь? От мышей никакого спасенья».

Покажется старой: Степан у калитки,
Усталый, родной, в сапожонках кирзовых:
«Эх, Марья! Роса-то большая! До нитки
В лесу я промок – вот какая огнёва!

Не зря: поляди-ко, корзину волнушки
Набрал на горях. Ты чего тут расселась?
Рассохлась за лето грибная кадушка –
Дак ты б замочила – обычное дело...

Бабкина радуга

Ярко полыхает в небе радуга.
Летушко кончается – а на-ко вам!
Вышла бы во двор, как знала загодя, –
Отвлеклась, ведь дни-то одинаковы:
Серые, пустые да тоскливые.
Мне на радугу взглянуть-то хочется.
Радуга-дуга, да с переливами,
Словно хвост соседкиного кочета.
Муж-покойник целовал без спросу-то
Девушку, меня под тёплым дождиком.
Радуга горела над покосами...
А теперь и жизнь, считай, что прожита.
В Марьину трубу – куда, нарядная?
Вдруг у ней в печи зола не пахана?
Скоро, скоро темень непроглядная,
Осенью – с болезнями да страхами.
Не беда: порадовалась радуге.
Пролетела жизнь, как ночка летняя.
На дугу-то наглядеться надо мне:
Может, – на земле – она последняя...

Заречье

Ольха склонилась к медленной воде,
И моет речка камни-голыши.
Легко, как здесь, мне не было нигде,
В гостях у детства в северной глуши.

Заречье. Ряд домов на берегу,
За ними – бесконечные поля,
Закатный луч на клеверном лугу,
Осенний скрип колодца-журавля.

Вот бабкин дом. Потух в окошках свет
Я обещала, только не смогла
Проведать старую – за столько лет
Поговорить ни разу не зашла.

Как наяву, я вижу: за рекой
Она с крыльца спускается к воде.
Сейчас махнёт приветливо рукой
И спросит: «Што ты, девка, нынче где?

Из города? У нас-то в отпуску?
Давай, в заречье наше приходи
По старому отцовскому мостку».
И сердце заколотится в груди.

Как свежий ветер низко травы гнёт...
Она ждала, и свет горел в окне.
Осока то на солнышке блеснёт,
То острым краем душу ранит мне.

Сериал

Бабка древняя занемогла,
День лежала на печке поленом.
Жизнь из дома как будто ушла:
Пахнет сыростью, пылью и тленом.

Через рамы рисует кресты
Солнце летнее на половицах,
А со стен, мудры и просты,
Смотрят предков старухиных лица.

Вечер розовой краски плеснёт
В молоко свежебеленной печи.
Бабка слабой ногою шагнёт
На ступень шаткой лесенки: «Нечо

Помирать мне... Сейчас сериал...
Целый день пролежала медведем.
Телевизор включу – там на бал
Уж поди-ка Изаура едет».

Загремит из прилуба ухват:
«Погляди, как в Америке адской.
Надо девку, старуха, спасать:
Пристаёт к ней Леонсио б...дский!»

Перевяжет потуже платок.
На щеках заиграет румянец,
А по жилам бежит кипяток
Под Изауры пламенный танец.

Санькина весна

Детской ручкой тоненькой до матицы
Дотянуться хочется – скорее бы!
Подрастёт мальчоночка – спохватится,
Загрустит по светлым дням апрелевым.

Утяпом* – к двери! «Куда, шкелетина?» –
Бабка вслед. В ответ: «Пока – до ужина!»
У забора каждая штакетина
Палкой по хребту с утра разбужена.

Хрусткий лед ногой на вешних лужицах
Сапожком разбить – и брызги веером!
Что над речкой чайки с криком кружатся?
Побежать, узнать – держите семеро!

В сумерках одёжка бабкой выжата:
Весь промок, нанёс весенней сырости.
К матице рукой – не стала ближе-то?
Мальчик поскорее хочет вырасти.

* Утяпом – диал., северн., сломя голову, бегом.

Девочка и вечер

Синий вечер прятку нашёл в кустах
Сонных и озябших озёрных ив.
Хлипкие лавинки в сырых местах
Под ногами быстрыми «чив» да «чив».

Девочка на берег взбежит крутой,
Волосы – небрежно рукой с лица.
За притихшей к ночи густой трестой
Чёрной точкой – лодка её отца.

Озеро загнало барашки волн
До рассвета спать в потаённый хлев.
Ветер тоже стих, впечатлений полн,
Напоследок песню негромко спев.

Девочка помашет отцу рукой,
Пронесётся эхом девчонкин крик
И стыдливо смолкнет. Хранит покой
До рассвета войско – густой тростник.

Путь назад. Знакомо «чив-чив» звучит ...
Вечер осмелеет – во тьме вольней! –
К впадинкам прильнёт тоненьких ключиц,
К счастью и мечте – девочке-весне.

Мой Север

Деревенское детство в лугах разнотравных,
Под жужжанье шмеля и кузнечиков треск,
Колокольчиком нежным звенело недавно
До высоких, безоблачно-синих небес.

Под напевное оканье северной речи
Напиталась любовью к истокам своим,
Обогрелась теплом от кормилицы-печи,
Закалилась в морозах архангельских зим.

Ту любовь истребить – не пытайся, не пробуй –
И вовек не изжить, не отыщешь изъян.
У любви моей вечной и адрес особый –
Милый север и лица простых северян.

Колокольчики детства не стихли – хрустальны
Колокольные звоны со звонниц церквей.
Бесконечно любимый, нисколько не крайний –
Север, в памяти вечно живущий моей.

Старый дом

Вечер в деревне наполнен блаженной истомой.
Крылья заката легонько касаются крыш.
Тропкой знакомой иду на свидание с домом,
Мягким ковром под ногами пружинит спорыш.

Путь этот с детства моими шагами измерен,
Скрипнет замшелый заворчик, сбивая росу.
Ржавый замок без ключа, коромысло у двери,
Запах с открытой повети щекочет в носу.

Пахнет навозом, мукой и слежавшимся сеном,
Пол коридора в кусках облетевших белил.
Жук-древоточец дырявит осевшие стены,
Мерно стуча, будто ходики кто запустил.

Выцвел от солнца знакомый рисунок обоев,
В узком простенке меж окон висит календарь,
Желтый листок, в сером кружеве пыли – второе,
Год девяностый, смахну паутину – февраль.

Ушлый сквозняк не листает страницы и даты,
Дом в полудрёме далёким живёт февралём.
Веком ушедшим, колхозно-крестьянским, двадцатым,
Намертво вросшим избой в голубой окоём.

Веночек

На майском лугу расцвели поутру одуванчики,
У ветра весеннего нос в золотистой пылице.
Кудрявая девочка в ярком, цветном сарафанчике
Сплетаёт веночек с улыбкой на нежном лице.

Пыльца на подоле, на лёгких плетёных сандаликах,
Смешно озорнице и так несказанно легко,
Как только бывает легко непоседливым, маленьким,
Пока не обсохло на пухлых губах молоко.

Испачканы соком девчонкины тонкие пальчики,
И ноги ступают неслышно по мягкой траве.
Короной из маленьких солнц – золотых одуванчиков
Весна засияет на юной её голове.

Дедовы ёлки

Только май кружева развесит
На берёзках, что солнцу рады,
Дед с лопатой идёт по лесу –
Поискать деревья для сада.

В том году захотелось деду
Посадить со внуками ёлки.
Бабке буркнул: «Приду к обеду!» -
И ушёл, не поевши толком.

Выбирал придирчиво, долго,
Поровнее да поершистей,
И, домой возвратившись в полдень,
Двух красавиц принёс пушистых.

«Ну, пойдёмте, ёлки посадим!» -
И повёл дед любимых внучек
Поселить за оградой сада
Деревца в одежке колючей.

Старый с внуками очень нежен:
Мягче хлеба, теплей одеяла.
Одеял любовью безбрежной,
Хоть казалось всё деду мало.

Посадили, полили. Старый
Больше малых кряхтел, трудился,
А потом, довольный, усталый,
Пот смахнув, мечтой поделился:

«Подрастут вместе с вами эти
Деревца, и окрепнут корни.
А не будет меня на свете,
Ёлки дедушку вам напомнят».

И растут в жару и ненастье,
Через зной и снежную замять,
Сохраняя детское счастье,
Наши елки. Дедова память.

Деревня Порма

Деревня на старом тракте
Погибла после реформы.*
Осталась точка на карте
И надпись: «Деревня Порма».

Остыли русские печи,
В хлевах не стоит скотина.
Под матицами навечно
Не зыбка, а паутина.

Родительский дом не светел:
Ослеп и зарос бурьяном.
По улицам мёртвым ветер
Слоняется, будто пьяный.

Не рожь колосится, зреет –
Сбежался сосняк на поле,
Где дед, себя не жалея,
В страду поработал вволю.

У маленькой речки бани
Давно гниют без пригляда,
И от камелёнок тянет
Знакомым угарным чадом.

Сейчас там созрели вишни.
Слетать! – Но крылья убоги.
Дорогой бы мне привычней,
Да вот заросли дороги.

*Косыгинские реформы 1965–70 гг.

Тёта

Все – от мала и до велика –
Называли Настасью тётой*.
Хоть казалась старуха тихой,
Но кипела в руках работа.

Ей любое дело посильно –
А мала, худа, вся в морщинах.
Говорила: «Да я двужильна,
Покрепчай любого мужчины.

Не смотрите, что я старуха!»
А с замужеством не сложилось,
Прожила всю жизнь вековой
И с чужими детьми водилась.

Поначалу нянчила брата,
А потом – его деток и внуков.
«Я на внуков порат** богата», –
Говорила другим старухам.

Рдели щёки её от счастья?
Голова от любви шла кругом? –
Мы не знали. Была Настасья
Старой тётой и лучшим другом.

Раскраснеется на гулянье,
(Хоть вина не пила нисколько)
Всё жалеет меньшого – Саню:
«Проводить бы в школу мальчонку!»

И успела, и проводила.
Собрала узелочек «смёртный»:
«А пойдёте как на могилу –
Принесите мне хлеба корку».

Умерла она на работе:
В светлый полдень межу косила.
Там её и нашли – в осоте.
«С ног да в гроб», – деревня судила.

Я приду на могильный холмик,
Принесу с собой ломоть хлеба:
– Как просила – я, тёта, помню.
Ты теперь там нянькой на небе?

Твой любимый внучонок Саня
Улетел за полярной ночью.
Там погреешься только в бане,
Там морошка зреет на кочках.

Ищет всё свою птицу счастья.
Я ему: «Не звонишь, не пишешь!»
Он приедет домой, Настасья.
Он придёт на могилку, слышишь?

*тёта (диал., север.) – тётя

**порат(-о) (диал., север.) – очень.

Голосящий куст

У самого дома, в тени берез,
Ютится ивовый куст.
Никто не сажал его, сам как-то рос,
Почувствовав к жизни вкус.

И вроде кустов – каких только нет,
У всякого дома – свои –
На этом звенят уже десять лет
Синицы и воробьи.

В минуты, когда не хватает сил
И так неподъёмен груз,
Я слушаю, как озорно голосит
Волшебный ивовый куст.

Порой возвращаешься, мир кляня,
В тревожной сумятице чувств, –
У дома всегда встречает меня
Родной голосящий куст.

А если от счастья в сердце весна,
Улыбка не сходит с губ,
То птицы тебе подпоют с куста
Фанфарами звонких труб.

Однажды отец куст решил срубить
(мол, весь заслонил обзор) –
Заслушался птичьих «чирик»! – «тинь-нить!»
И ведь опустил топор!

Три года прошло со смерти отца –
Теперь он с небес глядит.
А птичий привет от родного крыльца
По-прежнему в сердце звенит.

Мёд и дёготь

Озером васильков расплескалось лето,
Солнечный свет всосали густые травы.
Сладок нектар – верна и горька примета:
Ложечку дёгтя в бочку – и мёд – отрава.

Я не хочу, но чувствую этот дёготь
В каждой янтарной капле желанной сласти –
Горечь смолы древесной всегда немного
Мне отравляет сладость земного счастья.

Черпаю мёд из бочки, густой, тягучий, –
Привкус дегтярный мерзок. Увы, не лгали
Мудрые предки. Только догадка мучит:
В мёд добавляю горечь – не я сама ли?

Вот так и жить

Вот так и жить: в обычный выходной
В халате старом, наплевав на моду,
Поискать на крыльце кота-заброду,
Ругнуть беззлобно, запустить домой.

Вдыхая листьев прошлогодних прель,
Послушать чаек крик на ближней ляге,
Поставить под поток рядочком флаги,
Открыть ветрянки: на дворе – апрель.

Потом смотреть на капли по стеклу,
Как тянется сугроб промокшим шлейфом,
Толкунчики, как маленькие эльфы,
Легонько вьются у хлева – к теплу.

Помыться в баньке, почитать стихов,
Напиться морсу местного разлива,
Потом уснуть, довольной и счастливой.
Вот так и жить – и больше ничего.

Про время

Упрекали взхлёб: оно никого не ждёт,
Обвиняли в стихах, что, мол, на расправу скоро,
Что проехалось колесницей, безмерен гнёт,
И шаги тяжелы, и скверный имеет норы.

Время долго обиду молча несло в себе
И решило: терпеть уже никакой нет мочи.
В серых сумерках, мимо дремлющих голубей,
Тихой сапой ушло за рамки и дня, и ночи.

Стрелки замерли, утро в гости не звал петух,
Заблудившись в туманных сумерках межсезонья,
Глаз светила за слоем туч навсегда потух –
И не свет за окном теперь, и не тьма воронья.

И не будет любви, друзей и заветных книг,
Сроки цвести не наступят, дата желанной встречи –
Тот, кто время ругал, скорее других поник:
Знать, безвременье душу пуще всего калечит.

Время зла не держало: стихла в душе гроза.
Или просто без дела вовсе оно не может.
И вернулось – и стрелки дёрнулись на часах,
Каждый шаг отзывался дрожью под тонкой кожей.

Кто в безвременья пору выдюжил, пережил,
Кто в трясине качался зыбкой не с тем, не с теми –
Выбираясь, порвал, как нити, канаты жил,
Осознал, что и боль, и радость дарует время.

Что-то важное там осталось

Что-то важное там осталось, в двадцатом веке,
В девяностых, каким «лихие» ярлык приклеен,
Где дефолт, забастовки, путч и пусты сусеки,
Где сам чёрт отличить не может зерна от плевел.

Что-то важное было, памятной смены флага
И тогдашней зарплаты в несколько миллионов...
Там гитара, в копирке чёлка, джинса, общага.
Мой парнишка – семнадцать лет, молодой, зелёный.

Мы в общаге лежим на койке с провисшей сеткой –
Не в квартире, где пол паркетный, в накидках мебель.
Только мы – свет потушен, ночь и ушла соседка.
Лоб не морщила мысль о ценах, насущном хлебе.

А потом полусладкий чай разделить по-братски.
Он по простыни из окошка – стою на стрёме.
Я на фото в обнимку с ним, в боевой раскраске,
Он – в косухе. На фоне неба – цветы черёмух.

Всё сложилось: квартира, дача, машина, мебель.
Девяностые – прошлый век, как моя бездумность.
Там черёмух цветы качаются в синем небе...
Что-то важное там осталось... Осталась юность.

Сентябри

Рябиновую горечь сентября
Слегка разбавит мёдом бабье лето.
Леса бездымным пламенем горят,
Но холодны туманные рассветы.

Скользит по запотевшему стеклу
Прозрачной каплей грусть о невозвратном,
Что в летнем зное и хмельном пылу
Навек осталось – не вернуть обратно.

На полку бы в кладовке положить
Беспечные июнь, июль и август
И сентябрём сиюминутным жить,
В осенних днях отыскивая радость.

Озябла. Печку затопить скорей,
И чтеньем книги успокоить нервы.
Их было много, грустных сентябрей –
Прошли. Пройдёт и этот, сорок первый...

Лоскутное одеяло

Лоскуты сатина чередуя
С озорными крапинами ситца,
В полотно сшиваю череду я
Дел, событий, случаев, традиций,

Неба незабудковое счастье,
Облаков барашковое чудо,
Серый креп осеннего ненастья,
Шерсть пустых февральских пересудов.

Нить прочна (она от бабки старой),
Путается в пальцах неумелых:
Бабушка своим делилась даром,
Только даром: до шитья ли дело,

Мир так полон сказок и открытий!
Но теперь и мне пора настала
Сшить из разных жизненных событий
Пёстрое, цветное одеяло.

По старинке, не спеша, вручную,
Каждый лоскуточек подбирая,
Синим зимним вечером начну я.
...Далеко пока ещё до края.

Мушкетёры

В детстве мы играли в «мушкетёров».
Димка был бессменным д'Артаньяном,
Подражал любимому актёру,
Дрался и в деревне слыл буяном.

Ленка – прирождённая актриса,
По которой сохли парни в школе,
Много лет играла Арамиса
(Быть Миледи Димка не позволил).

Самый старший и серьёзный, Лёха,
Был в игре, конечно же, Атосом.
Правда, «получалось» очень плохо
Благородство на лице курносом.

Я была Портосом – «И не спорить!
Надо на костре готовить ужин!»
Быть какое для девчонки горе
Неуклюжим, коренастым мужем!

Развевались ситцевые флаги.
Мы в игре обиды забывали.
В роще дотемна мелькали шпаги
Из прочнейшей деревянной «стали».

На плащи сгодились занавески,
Кони наши – рейки из забора.
Жесть, фантазия, моточек лески –
И на кедах зазвенели шпоры.

Пламенно звучали кличи в роще,
Бились мушкетёры, ржали кони.
И «Один за всех!» - кричал нам тощий
Димка, храбрый парень из Гаскони.

«Все за одного!» – в ответ звучало.
Мушкетеры – маленького роста.
Что не так – «Давай опять сначала!»
(В детстве вновь начать – легко и просто).

Через много лет я в роще снова –
Той, где всё родное до былинки.
Тишина, покой в лесу сосновом,
Заросли знакомые тропинки.

Где вы, Димка, Ленка, славный Лёха –
Мушкетёры боевого детства?
Приезжайте, здесь Портосу плохо –
Вместе от хандры отыщем средство

Для того, кто пыл свой поистратил
И вернулся выжатым лимоном.
Никого... Стучит в вершине дятел,
Да качает ветер сосен кроны.

Старые крылья

В химчистке нуждаются старые крылья,
Что в пыльном чулане лежат много лет.
Поищем подсказку – среди изобилия
Советов отыщется нужный рецепт:
«Почистите манной крупой, керосином,
Отдайте в химчистку». В химчистку боюсь:
Испортят – и в небе высоком и синем
На крыльях своих больше не закружусь.
А раньше, я помню, летала, и только
Лишь звёзды, свобода – и ветер в ушах.
И в небе ночном мне нисколько не страшно
Шептала с восторгом: «Летает душа!»
То время прошло, и свои ощущения
Давно подзабыла. Сейчас освежить?
Что, если не выйдет? Тогда пораженья
Не выдержать мне, просто не пережить.
Уж лучше в коробку. Уж лучше в чулане.
Лишь изредка крылья свои вынимать,
Пыль сдунуть, примерить – но легче ли станет
От мысли, что раньше умела летать?

Сын

Не родился милый мой сыночек.
Небо-зверь, нельзя так – подло, гадко!
Плоть мою верни, души кусочек!
Не кусочек – всю! ...Пуста кровать.

Где он спит, в скрипучей колыбели?
Вместо ночника – лишь звёздный лучик.
Дни, недели, годы пролетели.
Я живу. И боль – живет и мучит.

Приносили белые метели
Колыбельку с крохотным ребёнком
В снах рассветных. Под печаль свирели
Поправляла бережно пелёнку.

Прибегал мальчишкой голенастым:
Ноги в цыпках, в конопушках носик.
Озорно кричал мне: «Мама, здравствуй!
Мама, я подрост? Смотри, подрост ведь?»

Юношей высоким, загорелым
Видела вчера. Сошёл с причала,
Посмотрел улыбочиво и смело:
«Мама, как ты? Я пришёл. Скучала?»

Качели

Гуляла с собакой по школьному саду.
На детской площадке мальчишки шумели:
Наверное, приступом взяли ограду
И вот - оседлали цветные качели.

Как птицы клесты на еловых аллеях
Взахлёб гомонят, семена собирая,
Так шумных мальчишек во время кочевья
Сюда прилетела весёлая стая.

Про гаджеты или про байки судили,
Про злую училку, крутую соседку,
А может, другие мальчишечьи «или»,
Чем с мамой и папой поделишься редко.

Подходим поближе. У парня, что жвачкой
Друзей оделял, вдруг слова с губ сорвались:
«Эй, ребя, смотрите: вон тётка с собачкой!»
Притихли клесты: чужаков застеснялись.

Не будем мешать им. Пора по квартирам.
Хотелось погреться во время циклонов.
Уходим от звонкого детского мира
По серым дорожкам заросших газонов.

Назад обернулась – пустые сиденья
То жёлтым, то синим зазывно мелькают.
Мальчишки-клесты показались виденьем:
Поманит, подразнит, бесследно растает.

Быть может, в манящее взрослое «завтра»
Они убежали, они улетели.
А ветру неймётся – качает с азартом
Беспечного детства цветные качели.

Разговор по душам

Сестра – из отпуска, а я – из огорода.
Она – о пляжах, я – о сапогах
Резиновых и о плохой погоде,
О муже-пьянице и о больных ногах.
Она – об аквапарке и загаре,
О страстных мармарисских мужиках,
Я – о сельповском дорогом товаре
И об удавшихся сегодня пирогах.
Сестра – магнит и белую панаму,
Я ей – варенье, два румяных беляша.
Она – в салон, а я – на пилораму.
Ой, так поговорили по душам!

Чёрно-белое

Чёрно-белый пейзаж. Чёрно-белые фото
Треплет ветер на пару с собакой бродячей
Возле мусорных баков – привычно, по нотам,
То свистя озорно, то залиvistо плача.

Старым фото лежать бы в комоде из дуба,
В духоте антресолей, без света, но – пусть бы!
А теперь только ветер, колючий и грубый,
Равнодушно листает забытые судьбы.

Места им не нашлось в оцифрованном мире:
Минул век, так надежно служивший оплотом;
Горизонты сейчас и цветнее, и шире.
Что они? Чёрно-белые старые фото...

Вот они полетели куда-то по ветру.
Дед-военный кричит: «Надо вместе держаться!»
А они догоняют года-километры,
Не поверив жестокости мира-эрзаца.

Внук в костюме матросском смеётся забаве,
По сугробам и горкам скользя, как на санках.
Это взрослым всё хочется ладить и править,
А ему – мимолётное счастье так манко!

Следом – мама: в косынке, костюм из кримплена,
Поотстала бабуля: куда ей, с одышкой,
После долгих часов «антресольного плена»
Догонять неужёмного беса-мальчишку?!

В подворотню забьются, где ветер потише.
Неба клин на закате тревожно алеет.
Дед-военный зашепчет устало, чуть слышно:
«Надо вместе держаться: так ночью теплее».

Костяшки-дни

Время-счетовод, как костяшки, дни
Щелкает на счётах без выходных:
Сдержанно и глухо стучат одни,
Звонок, тороплив голосок других.
Сколько их, костяшек, досталось мне?
Больше будет звонких или глухих?
Из чего – из дерева, из камней?
Больше дней хороших или плохих?
А потом... потом – обнулится счёт?
С чем на суд отправлюсь на небеса?
Нет ответа. Щелкает счетовод.

Чем наполнить дни – ты решаешь сам.

Девочка в альбоме рисовала счастье

Зажимая в пальцах новенький фломастер,
Высунув наружу кончик языка,
Девочка в альбоме рисовала счастье:
Белые ромашки, тихая река.

Вот она, принцесса, принц из сказки рядом,
Конь не получился – ладно, без коня,
Домик в три окошка с яблоневым садом,
Радужные птицы с веточек звенят.

Платье у принцессы будет пышным, белым,
В кружевах и рюшах – по-другому – как?
Принц, конечно, будет ласковым и смелым
(За добро боролся в сотнях страшных драк).

Вот и мама с папой – в мире и согласье
Правят королевством долгий, добрый век.
Девочка в альбоме рисовала счастье,
За окном кружился новогодний снег.

Бессонница

Время легко текло голубым ручьём,
Шло, расстоянье мера, годами-вёрстами,
Птицей летело, солнечным жгло лучом,
Вдруг – улеглось ковром под ступнями стёртыми.

Ляжет кровать послушно тебе под бок,
Тень от плакучей ивы – настенной росписью.
Выбрось проблем и мыслей тугой клубок,
Спи-почивай: в кровати – чай, не над пропастью.

Хочешь Илюшей – русским богатырём?
Тридцать три года хватит поспать-опомниться?
...Словно сквозняк, сквозь щёлку в дверной проём,
В сумрак пустой квартиры придёт бессонница.

Мир законный сжат перекрестьем рам,
Месяц дрожмя дрожит на небесной простыни.
Время, очнись, давно на рассвет пора –
Птицей, ручьём, лучом – догоняй, навёрстывай.

Через полвека

«Старый колдун, я решилась узнать о грядущем.
Знаешь, погода ни к черту и мыслей сумбур.
Если и вправду, старик, ты такой всемогущий,
Тайны откроешь – не жалко хрустящих купюр.

Что там, в кристалле магическом, видишь, кудесник?
Через полвека – наверно, старуха с клюкой?»
Взгляд исподлобья: «Ну, коли тебе интересно:
Нет на Земле тебя – смыло забвенья рекой».

«Как это нет? Кто живёт в моём доме с балконом?
Кто по утрам топит печи и кормит синиц?»
«Дом заколочен, и отданы в церковь иконы,
Перед которыми бабушка падала ниц,

Истово Бога моля о кровиночках-детях».
«Дети мои – разве дом позабыли они?»
«Не было их, одиноко жила ты на свете
И никого не согрела в ненастные дни».

«Как же, колдун? И никто обо мне не скучает?
И ничего не осталось – ни смеха, ни слёз?»
...Ветер вечерний, баюкая, травы качает,
Плачет кулик и пугает дождём сухорос.

Кнопки

Всюду кнопки. Рычаги – анахронизм,
Прошлый век, пропахший потом и металлом.
Новый век рукой над кнопками повис,
И стучит – автоматически, устало.
Пульт для поиска любимых передач,
Телефон, сигнализация, компьютер –
Всюду кнопки как гарант от неудач,
Если что-то второпях не перепутал.
Раз по кнопке – ты уже миллионер,
Два – и ты для всех Брэд Питт (Том Круз, Мадонна),
Три – в компании с изяществом фанер
Над Парижем пролетаем беспардонно.
И в любви, желанной, чувственной стране,
Ты на ощупь, как наступит тьма ночная,
По привычке ищешь кнопку на мне.
Милый мой, ведь я пока ещё... ручная.

Волк во мне

Пушистого котёночка в себе
То тешила, то придушить желала.
Через балкон открытый по трубе
Сбежал куда-то – я и не искала.

Ппустила волка серого пожить
На время в опустевшую квартиру
И вместе с ним я научилась мстить
Его изгоем сделавшему миру.

Теперь по спинке гладить не моги:
Оскалюсь – и душа ускочит в пятки.
Узнали все давнишние враги,
Что значит волчий клык и волчья хватка.

Как на беду, влюбилась по весне,
Да так, что захотелось спину выгнуть
И замурлыкать кошечкою мне, –
А получилось только грозно рыкнуть.

Как больно что-то ноет там, внутри,
Хоть к сердцу приложила лист алоэ.
Ты, человек, а ну-ка посмотри:
Излечится? Не укушу... до крови.

Сумасшествием белых ночей

Сумасшествием белых ночей
опьянён и пленён,
в небо кинешь,
дурачась от радости,
горсточку зёрен –
и забудешь о них до поры,
до осенних времён,
летней жизнью,
как будто азартной игрой,
раззадорен.
На три месяца в счастье
бездумно нырнёшь с головой,
в зелень милых акаций
и лёгкую тень бересклета.
Прозвенит колокольчик
в туманной дали полевой –
это значит, что кончилось,
кончилось тёплое лето.
А потом от холодной росы
остывать будут дни,
в каждом листике жёлтом
отыщется повод для грусти.
Семена станут звёздами –
в небо ночное взгляни,
и тоска твою душу тихонько,
но верно отпустит.

Там

Заложницей оставив в прошлом веке
Наивную страницу биографии,
В двадцатый возвращаюсь: мы – калеки
Без прошлого, доказано давно.
Я, в двадцать первом обустроив зрелость
(Без умысла новейшему потрафить),
Придирчиво сверяю: что хотелось,
Что получилось и какой ценой.

Покажется, что споро лезу в гору –
И вот опять топчусь на прежнем месте,
Сакральное оплакивая «сорок»
И не сложившийся карьерный рост.
С тоской гляжу на радужное «было»,
Порой дойдя до откровенной лести
Ему, – и чищу от налёта пыли,
И полирую рьяно – до корост.

Прижившись в новом веке, обустроив
Свой быт, я пирамиду, по Маслоу,
Упорно воздвигаю, но порою
Уверена: вершина – в глубине.
Опять нырну, расковыряв коросту,
В двадцатый – там безгрешно, безусловно,
Наивно, восхитительно и просто
В окне кружится Самый Первый Снег.

Море моё

Листья щекочет проказливый солнечный зайчик
В тихом дворе, в незабвенном, далёком краю...
Там, под рябиною бабкиной, тщательно прячет
Старая бочка заветную тайну мою –

Море бескрайнее, лёгкий кораблик из щепки.
Тихо кружится на солнце янтарная пыль.
Взрослые видят посудину с обручем крепким –
Я вижу море, прекрасное в бурю и в штиль.

Щепка не тонет, упрямо взбираясь на гребни,
Море бушует, намокли до плеч рукава,
Яростны волны, но я – настоящий волшебник:
Буря утихнет, и будет команда жива.

Пахнет крапивой, прогретой землёю и глиной.
Стайка пичуг пролетает, о чём-то звеня.
Бабкин рябиновый куст и колючий малинник
Море надёжно от глаз любопытных хранят.

Скрипнет калитка. Ну, здравствуй, заветный мой дворик, –
Мир, что так дорог и так бесконечно мне мил...
Старая бочка распалась, и высохло море.
Где мой кораблик?.. Он в сказку чужую уплыл.

Перед сном

В юности сладко мечтать о любви перед сном.
Хмыкнули? Значит, и вы, мой читатель, мечтали.
Сердце танцует в немыслимом ритме шальном
От ожидания у быстрой реки, в чернотале...

Раз бы дождаться любви – не уснуть, домечтать...
Только, быть может, и прелесть вся в этой не встрече,
Чтобы наавтра – позвать – и сначала, опять:
Взгляды, и руки, и губы – сюжет бесконечен...

Встреча была. Промелькнула, подобно лучу
Солнца сквозь тучи. Потом – параллельные судьбы.
Маясь бессонницей, больше мечтать не хочу:
Знаю, что дальше... Овечка, другая... Уснуть бы...

Солнце в ладонях

Тихий вечер на глади плёса,
Как подбой шкатулки, малинов.
Сладко пахнет сеном с покоса,
Пряной таволгой, илом, глиной.

Смыть усталость, домой поехать –
Он на небо смотрит, смеётся,
Возле глаз морщинки от смеха:
– А подержим в ладонях солнце?!»

Не колеблясь, в родные руки
Положу свои (не из сна ли?)
Жаркий шар легко, без натуги,
Словно в зыбку, нырнёт – поймали!

На минутку уснёт младенцем
И опять в небесные дали.
– Слышал, билось в ладонях сердце?
– Веришь – солнце в руках держали?

Двое в сентябре

Дрожащие сумерки в тёплых ладонях,
Опавшие листья, пахучая хвоя.
Лучистой звездой в небесной короне
На миг зачарованы юные двое.

Двоим в сентябре – словно в тёплом апреле.
Страшит одиноких холодная осень,
А души влюблённых – сплелись, полетели,
Как звонкие нити космических кросен.

Большая Медведица смотрит с тревогой:
«Таким чудакам как служить провожатой?
Обнявшись, стоят на пустынной дороге.
Смешные они – что мои медвежата...»

В феврале

Положила голову на плечо.
Сердце совершило еще скачок,
Ели на аллее пустились в пляс,
Под луной снег вспыхнул, потом погас.
Ночи в феврале – ой, длинны-темны,
Грешным нам для счастья, любви даны.
Звонкий март наступит – максималист,
Убедит, что жизнь – это чистый лист.
Ты уедешь, хрусткий ломая лед.
Не поверю. Снова февраль... Метет...

Короткая история

Вы о чем? О гордости, о чести?
Мне – плевать: все лето с милым вместе!

Пожелтела лиственницы хвоя –
Неприкаянные, ходим двое.
На снегу сорока чертит строчки.
Мы теперь с тобой – поодиночке.

Испугалась – душа очерствела:
Позвонил, а на сердце глухо.
Не запело, не зазвенело,
Ни улыбки, ни слезки – сухо.

Ты был воздухом, солью, хлебом -
Всем, что жизненно необходимо.
Что теперь? «Я люблю», «К тебе бы...» –
Как вода в решето – всё мимо.

Половинчатость

Не сложилось с половинкой. Не срослось.
Половинчатость – не цельность, в горле кость.
Что кипело и страдало в двадцать лет,
В сорок молча улетело – всё, привет!
То ли в землю, то ли в небо – в облака.
Половинчатость – ущербность тарак^{*}.
Не проклятье, не молитва – нитки, швы...
Половинчатость – зависимость, увы!
Столько лет в себе растила монолит –
Ничего не получается. Болит.

^{*}Тарак – кусок, обломок.

Неудачный опыт

Сочиняла песню о нас, о нас.
Только нет мелодии. Диссонанс.

Великаны басом - на первый план.
Запищали гномики – сплошь обман.

Сердце было гномиком занято?
Снова сбилась с ритма. Не то... Не то...

Уехал

В романах – красиво, ярко,
А в жизни – с большим трудом.
Перрон. Многолюдно. Жарко.
Не плачу, держусь – потом.

Твой поезд. Вагон четвёртый.
Как улей, гудит вокзал.
«Давай! И – ни пуха!» – «К чёрту!»
И жадно – глаза в глаза,

Стыдливо – губами в губы,
Душою – к другой душе,
Которая здесь и любит,
А мыслями – там уже –

В набитом людьми вагоне,
Из лета – в сентябрь сырой,
Где в нудных дождях утонет
Любовь и июльский зной.

Так пусто на белом свете.
Уехал... Под крик ворон
Растрёпанный, сонный ветер
Лениво метёт перрон.

Встреча

Та встреча была не случайна-нечаянна.
Февральской метелью скулит одиночество.
Весь вечер проплакала я от отчаянья,
Он тоже томился: «Как женщину хочется!»

В дешёвом кафе, где сомнительны бонусы,
Глинтвейном спасались от стужи и комплексов.
А ночью при помощи старого фокуса
Лечили томление и одиночество.

Развязка банальна: «Звони!» – «До свидания!»
У встречи отсутствует имя и отчество.
Он мной покормил своё злое желание.
Я им раздражила своё одиночество.

Свидание

Осторожный стук в перекрестьях рам.
Часто застучит между рёбер слева:
Наконец, пришёл милый «не Адам»,
Целый день ждала добрая «не Ева».

Что там про него – он женат давно.
Что там про меня – много лет в разводе.
Ах, любовь у нас! – говорить смешно,
А про страсть и секс – неприлично вроде.

У меня была «кошка под дождём»,
У него сейчас – «бунт на пароходе».
– Милый, стыдно как: мы любовь – крадём!
– Тише!.. Открывай. Тёща следом ходит...

«Любовь»

Любопытный прохожий с усмешкой негромко вздохнёт:
«Понастроили тут, неумёхи! Какая-то будка.
Ба, да в этой развалине кто-то ещё и живёт?
И «Любовью» назвали – наверное, глупая шутка.

Конура у собаки надежнее, хоть без затей.
Тут фундамента нет, но в окошечках – стёкла цветные.
Дом топрощится в небо, а в стенах хватает щелей,
И свободно гуляют в постройке ветра молодые.

Враз замёрзнут жильцы, лишь наступят зимой холода,
И сбежат без оглядки: здесь даже не сложены печи.
Что, они поцелуями будут согреты всегда?
Ну, по первости, может. Без дров не согреешься – нечем.

Кто учил практикантов? Вот мне бы, вот я бы – не так.
Мой-то дом – на века, он надежен, и крепок, и прочен.
Есть фундамент и толстые стены, а это – бардак!
Я жене расскажу, над «Любовью» мы с ней попохочем.

Да, пойду. Скоро ужин. Но тянет ещё посмотреть,
На любовь, что за дверью, закрытой искусственной шкурой.
Загляну-ка тихонько. Тьфу, мама родная – камедь!
Он читает стихи, а она его слушает, дура!»

Обычная история

Она и он. Две очень зрелых личности,
Уставшие от жизненной обычности,
Узнавшие измену и отчаянье,
На остановке встретились нечаянно.
«Одна... Красивая и загорелая,
Серьёзная – такая переделает
Меня, разложит жизнь по полочкам,
Потянет, словно нитку за иголочкой».
«Глазами сверлит. И рубашка мятая...
Альфонс, конечно, – чую точкой пятою!»
Друг друга смерив взглядами холодными,
Расстались – гордые собой, свободные.
Он – к чертежам, собаке, телевизору,
И дни, как чётки, что на нить нанизаны.
Она – к своим фиалкам, кошкам, творчеству,
Привычному ночному одиночеству,
Салатным листьям, горечи цикория.
Такая вот обычная история.

Не оставляй меня с осенью

Пуговки пижмы на пыльном дороги плаще,
Молча стоим на обочине возле колодца.
Пуговки, путь застегните, пусть он остаётся!..
Я не хочу принимать очевидных вещей.

Йодом и плесенью пахнет колодезный сруб,
Только вчера в глубину мы на звёзды смотрели
Под соловьиные сладкоголосые трели –
Нынче звучит нам прощальной музыкой труб

Крик журавлиный из выси, укрытой дымком
Горьких разлук и осенних костров неизбежных, –
В дымке давно растворился след конных и пеших,
Тех, с неизменной тоской вспоминаю о ком.

Несколько дней – перелески опять засквозят,
Листья закружатся по ветру в маленьком вальсе.
Не оставляй меня с осенью, милый, останься!
Нам друг без друга ни в счастье, ни в горе нельзя.

Росток

Слабый росток тепличный – вечно ищу опору.
Это же так по-женски – нежно прильнуть, обвить...
Где-то в небесных высях старые девы-мойры
Тянут тысячелетия жизни и смерти нить.

Тоненькой нитью-стеблем переплестись – навеки! –
С нитью-судьбой другою. Корни в земле сплетя,
Вместе тянуться к свету, новые дать побеги,
Листья вдвоём подставить свежей струе дождя.

Прочно его опутать мягким, дурманным хмелем –
Пить несказанно сладко счастье из пенных чаш!
Да чтоб бездонна бочка и не пришло похмелье –
Время, когда в болезни чашки воды не дашь.

Тонким вьюнком обвиться – нежным, непостоянным.
Так неприлично юной быть для него всегда,
Чтобы не только верить – знать, что опорой станет,
Крепким плечом надёжным, если придёт беда.

Трудно найти опору – быстро уходят силы.
Слабый росток надежды чахнет в плену теней.
...Мойр из небесной выси слёзно вчера просила:
Нитку судьбы короче... Только бы попрочней.

Телефонный звонок

Прошлое
вслед за звонком
возвращается в память
старым хитом
с позабытой любимой кассеты,
бабочкой яркой
стучится в оконную раму
дома, где прячется
давнее юное лето,
полное воздуха,
радужных солнечных бликов,
свежего ветра
в ажурных берёзовых прядях,
шорохов леса
и нежных цветов земляники...
Не исчезай,
подожди,
подожди, Бога ради –
радостью этой
со мною навеки останься!
«Ты?..» –
замирает незадачным –
лишним – вопросом.
...Медленно в грубую явь
возвращаюсь из транса
и нажимаю
решительно
кнопочку сброса.

Майской ночью, белой ночью

Горизонт перевязала
лента алая заката,
вольный ветер до рассвета
поубавил свою прыть.
Прожит день, хорош ли, плох ли, –
без обмена и возврата.
Ночь приходит нас с тобою
одурманить, одурить.
И, нисколько не противясь
(что же может быть желанней?),
крепкий сон под одеялом
мы оставим на потом.
Груз обид взаимных, старых
утопить в глухой елани,
светлой радостью весенней
наполняя общий дом.
Изумрудные травинки,
будто шёлком, прошивают
с лёгким скрипом, тихим скрипом
землю – тёмное рядно.
Нам без грубых слов, какими
заколачивать бы сваи,
майской ночью,
белой ночью
молча думать об одном.
Будем слушать птичьи трели,
замеров от звуков сочных,
каждой клеткой ощущая
мир волшебный – до зари.
Без сомнения поверим
майской ночью,
белой ночью,
что отныне так – навеки.
...Только вслух не говори.

Перепутать причину и следствие

Перепутать
причину и следствие
проще стократ
майской ночью,
когда нет границы
меж светом и тьмой,
и целуются зори –
так рядом рассвет и закат,
и как будто паришь
в вышине над земной кутерьмой.
И парит,
оторвавшись от влажной земли,
в кружевах,
заневестившись в мае,
приметам людским вопреки,
куст черёмухи
(тот, что скрывали хлева),
и клубится туман
над серебряной лентой реки.
Воспарив, ощущаешь
биение сердца того,
кто с тобой перепутал
сегодня рассвет и закат.
Он так близко –
поэтому любишь
всем сердцем его?..
Или любишь –
поэтому хочешь
быть ближе стократ?..

Лето

Сотнями ромашковых крупинок
Круто посолив горбушку луга,
Лето зашагало вдоль тропинок,
Заразив невольно всю округу
Страстью к пряным травным ароматам,
Шёлку по-цыгански ярких платьев.
Соловью подпеть бы, да куда там:
Так любить – души уже не хватит!
День за днём тонуть в объятьях солнца,
В лето с головой – такая малость!
Молоко туманов пить до донца,
Не считая, сколько дней осталось...

На озёрах

Путь к красоте тернист, ухабист, долог,
Хоть не босой ногою по стерне.
Играет, как котёнком, дряхлый волок
Машиной нашей на своей спине.

Но тянет вдаль неведомою силой,
И смотришь на опасный поворот
В надежде, что за ельником унылым
Вдруг озеро заветное мелькнёт.

День нынче в ситце – пёстром, ярком, новом
Ночь – в бархате и россыпи камней.
Подремлет солнце час-другой – готово
Опять запрячь лихих своих коней.

Здесь вечером озёра тщетно тушат
Пожар заката, жарок и багров,
За красный горизонт плетутся туши
Гонимых ветром облачных коров.

А над водою – храм Петра и Павла
Да старых елей тёмная стена.
И время остановится, лишь плавно
К ногам сбежит упругая волна.

Август

Стихает на улице шум суетливого дня.
Тяжёлые мальвы о чём-то грустят у плетня.

И властвует август. Велик и могущ царский двор.
Его славословит немолчный кузнечиков хор.

Ему салютует всю ночь до утра звёздный дождь,
Стекающий яркими искрами в спелую рожь.

Колосья ржанные к земле наклонились от рос.
Туманом окутан уснувший таинственный плёс.

Торжественно август пройдёт по полям и лугам,
И яблоко Спасово скатится к царским ногам.

Осень

Над землёй уже который день подряд
Небо низкое – плюётся, морщится.
На ветру снимает выцветший наряд
Жидкая березовая рощица.

Прочной сеткой дождевой затянут лес,
Леший гукает в траве поваленной.
С деревенской колокольни серый крест
Прячется за облачными далями.

Осень горькой, безутешною вдовой
По полям бредёт, простоволосая.
В эту землю деревянную избой
Я выросла по крышу – с перекосами.

В мёртвой кузнице на всех шальных ветрах
Мне подкову звонкую не выковать.
Буду вороном на тонких стожарах
Путникам дорогу закудыкивать.

Осенний концерт

Осень даёт концерт – приходи смотреть!
Сможешь в пассажах рыжей услышать празднество?
Ты мастерства её не узнал на треть –
Как виртуоз, играет, танцует, дразнится.
Мягко под ноги сыплет духмяный лист,
Лиственниц хвоя – словно стожочки сизые,
Слаб и доверчив тонкий синичий свист,
В воздухе тает дым над тихими избами.
Чутким смычком (расстроены струны душ!)
Водит скрипачка-осень, лиса-потатчица:
Хочешь – минор и фальшь в игре обнаружь,
Хочешь – услышь мажор и с лисой – дурачиться.

Письма осени

Ветер выдует пыль с чердака,
Листья вихрем ворвутся ярким –
Это осень, юна и легка,
В сентябре шлёт письма-подарки.

Листья-письма под крик журавлей –
О тоске, о сердечном друге –
Свежий ветер с пустынных полей
Без стыда несёт по округе.

Мне в проём слухового окна
Тоже бросит письмо в конверте.
Будто шёлк на отрезе рядна
Заструится в неверном свете.

Бисер букв на кленовой звезде,
На наивном сердечке липы –
Как круги на холодной воде,
Как ребёнка ночные всхлипы.

Взгляд девичий не смел, но лукав.
Осень, горесть мою унять бы!
Вверх взметнётся цветастый рукав:
«Всё пройдет, заживёт до свадьбы...»

В сентябре доведётся опять
Жёлтый лист получать в конверте.
Как могу я теперь называть
Эти письма тленом и смертью?

Февраль

От мороза зелено, как стекло,
Небо, звёздной крошкой испещрено –
Бледный лунный колоб в печи пекло,
Но потухли угли давным-давно.

Не согреться. Истоиво бьёт внахлест
Времени тугая – во льду – спираль.
Только зелень неба, и крошка звёзд,
И дрожмя дрожащий в руках февраль.

На Страстной

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.
Б.Л.Пастернак

Опять на Страстной зажируют суглинки: распутица
Смешает в растворе и талую воду, и грязь.
У бани осевшей, на солнышке, верба распухнет,
Ночами отчаянно с воздухом стылым борясь.

А снег ноздреват, как кусок рафинада искристого,
Что дед доставал из кармана в крупинках махры.
И ждётся, и в лучшее верится искренне, истово,
И жизнь пробуждается почкой из грубой коры.

Черёмуховый ветер

Черёмуховый ветер опьянит
Горчинкой лёгкой и мечтой крылатой.
Покажется, что солнечный зенит –
Не апогей, не верный путь к закату,

Что майский полдень – призрачный намёк
На бесконечность, лучезарность света,
Что кружево черёмух – лишь пролог
К волшебному и новому сюжету.

Как многое пьянит, когда ты юн,
Когда принес весенний свежий ветер
Торжественную песню Гамаюн
О белой ночи и грядущем лете.

Когда средь надоедливой зимы
Забудешь чистый голос вещей птицы,
Заснеженную ветку надломи –
Черёмуховый ветер возвратится.

Весенняя песня

Тонкий смычок, невесомые струны –
Мартовский ветер, капризный и юный,
Пробует силы, ворвавшись с разбегу
В сонное царство мороза и снега.
Из ксилофона сосуллек искристых
Звук извлекает высокий и чистый.
Веточкой вербы в воздушных пуховках,
Как дирижер, вдохновенно и ловко
Машет, тряся головою кудрявой.
Ах, как мне музыка эта по нраву!
В ней – ощущение счастья и света.
Слушаю песню весеннего ветра.

Июньским вечером

Вечер разжал суматохи железную хватку,
Воздух пропитан настоем душисто-медовым.
Время зализывать раны, накладывать латки
И ворошить впечатления часа дневного.

Только не буду. Под звонкие птичьи коленца
Молча люблюсь, как краски закатные тают.
Дышится вольно; легко и спокойно на сердце,
И ни о чем, ни о ком не грущу, не мечтаю.

Тихо в душе – без печалей, страстей и надрыва.
Мысли и гнать не пришлось – улетели, как птицы.
Солнце ещё золотит тополиные гривы,
Тень от сарая на влажную землю ложится.

Пала роса, потянуло от речки прохладой,
И маттиола проснулась на грядке цветочной.
Клеточкой каждой так сладостно впитывать жадно
Светлое чудо подкравшейся северной ночи.

Свет золотистого полдня

Лишь недавно, тоску навевая, метели мели,
И казались мечтою несбыточной мысли о лете –
А теперь басовито гудят золотые шмели
И тревожат душистого хмеля тяжёлые плети.

Безымянный портной, обеда миллионы лекал,
Белой ночью из шёлка зелёного выкроил листья,
Что, сверкая под солнцем полуденным ярче зеркал,
Множат свет, ароматом дурманят медово-смолистым.

Поднимая пыльцу, ветер в поле волнует траву,
Будто пена морская, пушистые зонтики сныти,
Юркой ящеркой день промелькнёт, словно сон наяву,
На прощанье качнувшись на радужных солнечных нитях.

И опять окунусь без оглядки в поток суеты,
Но когда-нибудь вспомню и свет золотистого полдня,
И метельные зонтики сныти, и хмель, и листы –
Как подарок бесценный короткого лета Господня.

На исходе июля

Вечера на исходе июля особенно любы.
В час закатный спокойная нега на землю ложится,
Зной палящий спадает, идёт вместе с летом на убыль.
В палисаде – рубины в зелёной оправе – княжица*.

Солнце мягко румянит на яблоньке россыпи яблок,
Золотит колоколенки крест и в заулке постройки
И в округлые кроны ложится, усталое, на бок.
Будто шмель, загудит над деревней вечерняя дойка.

Рву в ведерко княжицу – рубины под кожицей тонкой
Прячут семечки, сок терпковатый и спелую мякоть.
Так легко на душе, что захочется мне, как ребёнку,
Не сдержавшись, от счастья светло и беззвучно заплакать.

*Княжица (диал., северн.) – красная смородина.

Великая северная сушь (Вода для старух)

Великой сушью названа
От века эта местность:
И вроде Север – а края
Безводны и скудны.
Мезень, Онега и Двина
Своей водою пресной
Другие пажити поят –
Счастливой стороны.

В деревне – несколько дворов.
Жильцы – одни старухи,
Свой век тихонечко живут
Вдали от шумных трасс.
Однообразный быт суров –
Пока живут, не рухнет
Крестьянский мир, где в радость труд,
А пища – хлеб да квас.

Привыкли к тяготам за век,
Живут без слёз и жалоб,
Но вот гнетёт одна беда –
Воды в деревне нет.
Зимой на печке топят снег –
Выходит очень мало.
Весной, когда кругом вода,
Здесь можно жить вполне.

В речушке били родники –
Замыло жирным илом.
По берегам стоят войска –
Растёт густой ольшняк.
Вот раньше были мужики,
И всё, как надо, было:
Почистят дно – течёт река.
Нет мужиков-трудяг.

Бобры настроили запруд
В верховьях мелкой речки –
Горбом лежит на дне песок,
Как голая спина.
Дожди осенние прорвут
Плотины – станет легче,
Но ненадолго псу пирог:
Промёрзнет всё до дна.

А в этот год и по весне
Воды в речонке скромно.
В колодце тоже не добыть:
О сруб ведро гремит,
Скрипит цепочка в тишине,
И воеет пёс бездомный.
Старухи Господа молить
О милости навзрыд

Взялись. Услышал ли мольбу? –
Но небо прохудилось,
Хоть сроду нет в деревне тут
Колдуний и кликуш.
И – счастье в каждую избу!
И шепчут: «Божья милость!..»
...Дожди всё лето нынче льют
На северную сушь.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	3
Вступительная статья Логинова.....	4
Травы.....	6
Всё по старинке.....	7
Воротиться бы.....	8
Скрипучая половица.....	9
Детство.....	10
Душа хранит.....	11
Моё деревенское лето.....	12
Колыбельная маме.....	13
Спит деревня.....	14
Друг.....	15
Жить хорошо!.....	16
Расстояния.....	17
На автовокзале.....	18
У Онеги.....	19
Гроза.....	20
В котельной.....	22
Ночь на окраине провинциального города.....	23
Бабино солнце.....	24
Обычное дело.....	25
Бабкина радуга.....	26
Заречье.....	27
Сериал.....	28
Санькина весна.....	29
Девочка и вечер.....	30
Мой Север.....	31
Старый дом.....	32
Веночек.....	33
Дедовы ёлки.....	34
Деревня Порма.....	35
Тёта.....	36
Голосащий куст.....	38
Мёд и дёготь.....	39
Вот так и жить.....	40
Про время.....	41
Что-то важное там осталось.....	42
Сентябри.....	43
Лоскутное одеяло.....	44
Мушкетёры.....	45
Старые крылья.....	47

Сын.....	48
Качели.....	49
Разговор по душам.....	50
Чёрно-белое.....	51
Костяшки-дни.....	52
Девочка в альбоме рисовала счастье.....	53
Бессонница.....	54
Через полвека.....	55
Кнопки.....	56
Волк во мне.....	57
Сумасшествием белых ночей.....	58
Там.....	59
Море моё.....	60
Перед сном.....	61
Солнце в ладонях.....	62
Двое в сентябре.....	63
В феврале.....	64
Короткая история.....	65
«Испугалась – душа очерствела...».....	66
Половинчатость.....	67
Неудачный опыт.....	68
Уехал.....	69
Встреча.....	70
Свидание.....	71
Любовь.....	72
Обычная история.....	73
Не оставляй меня с осенью.....	74
Росток.....	75
Телефонный звонок.....	76
Майской ночью, белой ночью.....	77
Перепутать причину и следствие.....	78
Лето.....	79
На озёрах.....	80
Август.....	81
Осень.....	82
Осенний концерт.....	83
Письма осени.....	84
Февраль.....	85
На Страстной.....	86
Черёмуховый ветер.....	87
Весенняя песня.....	88
Июньским вечером.....	89
Свет золотистого полдня.....	90
На исходе июля.....	91
Великая северная сушь (вода для старух).....	92

16+

Ирина Кемакова

ВОТ ТАК И ЖИТЬ

Сборник стихов

Редактор: *Тамара Овчинникова*

Верстка: *Полина Заросликова,*

Татьяна Степанова

Обложка: *Надежда Старицына*

.....
Издательский оригинал-макет –
Литературно-издательский центр «ЛОЦИЯ»
г. Архангельск, ул. Поморская, 34.
Тел.: +7 (952)308-17-43
www.lotsiya.ru, e-mail: lotsiya@yandex.ru
vk.com/lotsiya, facebook.com/lotsiya
.....

Подписано в печать 00.00.2015.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Лайт»
г. Архангельск, Воскресенская, 116/3.